

С. А. Громыко

Бинарные модели построения высказывания в русской парламентской речи начала XX в.

Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (грант МК – 458.2011.6)

В статье рассматривается речь в российских парламентах начала XX в. как объект лингвистического исследования. Описываются особенности речевых структур в русской парламентской дискуссии начала XX в. В качестве основной структуры, которая оказывает влияние на ход дискуссии, рассматривается бинарная модель, ее разновидности и варианты.

Ключевые слова: политическая риторика, парламентская речь, дискуссия, дебаты, речевые структуры.

S. A. Gromyko

Binary Models of Statement Construction in the Russian Parliamentary Debate in the beginning of the XX-th century

The article considers the question of speech in the Russian parliament in the beginning of the twentieth century as an object of linguistic study. The distinctions of speech patterns in the Russian parliamentary debate in the beginning of the twentieth century are described. As a basic structure which influences the course of the discussion, we consider a binary model, its variations and options.

Keywords: political rhetoric, parliamentary speech, discussion, debate, speech patterns.

Выдающийся российский философ и логик С. И. Поварнин в своей ставшей уже хрестоматийной книге «Спор. О теории и практике спора» высказал мысль о том, что спор о сложных государственных и общественных проблемах очень труден. «Где нет споров о важных, серьезных вопросах, там застой... Чем важнее вопрос, тем он обычно сложнее, требует больших знаний и большей способности к сложным размышлениям и выводам; решение его требует более сложных доказательств» [9, с. 3, 18]. В начале XXI в. эта фраза может показаться банальной: вряд ли найдется серьезный политик или общественный деятель, который будет утверждать, что дискутировать на тему государственного устройства проще простого. Но если учесть, что книга Поварнина была опубликована в 1918 г. и представляет собой одну из первых работ, где логика и риторика спора анализируются в основном на отечественном материале, становится понятной важность данного тезиса для читателей того времени. Проанализировав русскую публичную дискуссионную речь, в том числе и в институтах власти, Поварнин в своей книге, которая является, по сути, первым опытом научного анализа феномена русского спора, приходит к жесткому выводу: обще-

ственно значимый спор необходим, сложен, и далеко не каждый может в нем участвовать.

В этих словах можно услышать упрек всей отечественной культуре спора, от резонерских словесных препирательств, за которые не мудрено прослыть умным человеком, до идейных «кровавых» во всех смыслах диспутов неистового Виссариона [2, с. 24–25], потому что «в русском человеке дерзости его ученого языка нет пределов» [7, с. 142]. Однако в первую очередь размышления Поварнина касаются, конечно же, институционального публичного дискурса, то есть устной публичной дискуссии в институтах политической власти.

Одним из таких институтов, в которых публичный спор на общественно важные темы составлял основу не только речевой, но и политической деятельности, была дореволюционная Государственная дума. Российский парламент сменялся четыре раза и просуществовал почти двенадцать лет (1906–1917 гг.). Именно с I Государственной думы 1906 г. начинается история российского парламентаризма и русской парламентской речи. Речевая деятельность русского парламента начала XX в. отражена в широко изданных стенограммах, газетах, мемуарной ли-

тературе и интересна в первую очередь тем, что, несмотря на бурное развитие парламентаризма, содержит некие константы отечественной парламентской дискуссии. Приемы и средства ведения политического спора в Думе, способы речевого воздействия на оппонентов, запрещенные и допустимые методы манипулирования аудиторией – все это лишь модифицировалось с течением времени, но кардинальных изменений не претерпело. В связи с этим интересен и еще один вопрос: как эти константы русского парламентского спора можно оценить с точки зрения основной функции парламента как института власти – функции консенсуса, выработки согласия между социальными и политическими группами?

В дискуссии дореволюционной Государственной думы привлекает внимание часто повторяющийся и очень простой на первый взгляд прием построения выступления депутата в прениях. Парламентарий диалогизирует свою речь таким образом, чтобы напомнить точку зрения предыдущего оратора и возразить ему. *«Афанасьев: Вот, господа, я замечал, один из депутатов, как называют его, – Пуришкевич, в 6 заседании 7 марта сказал, что крестьяне не потому голодны, что у них мало земли, а потому, что они ею не могут управлять. Так, господа, и я скажу вам, что отчасти я с ним согласен, а потом сильно расхожусь, что крестьяне голодают не потому, что у них мало земли, а просто потому, что у них ее вовсе нет. Вот почему. Он привел пример, что у казака более 20 десятин земли имеется и он тоже голодает. Да, голодает, и я скажу. Да неужели же, господа, вы не помните, что его, казака-то, нет в настоящее время, а есть только казачки да казачата?»* [3, 4].

Подобный прием, основанный на резком противопоставлении двух точек зрения, можно встретить в любой дискуссии. Действительно, чтобы не терять нить спора, оратор выбирает наиболее яркие и запомнившиеся ему высказывания противника, заново формулирует их и выдвигает свои контраргументы. В данном случае мы имеем дело с той функцией антитезы, о которой писал Аристотель: «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности достаточно понятны, если же они стоят рядом, то понятны еще более, а также потому, что похожи на силлогизм, так как опровержение есть соединение противоположностей» [1, с. 127]. Использование в дискуссионной речи антитезы направлено на интенсивное убеждение в первую очередь аудитории, а не противника. Известно, что ис-

пользование таких антитетических единств было распространено, например, в русской судебной риторике конца XIX – начала XX в. (особенно в защитительной речи) и расценивалось как эффективный прием воздействия на присяжных [8, 9]. Степень эмоционального давления на аудиторию может варьироваться в зависимости от задач оратора, слушателей, а также представления о допустимой / недопустимой речи в данном институте.

Интересно, что в дискурсе Государственной думы начала XX в. антитетические единства не просто активно использовались, они становились конструктивной основой всего выступления в прениях. Помимо зачина и завершающей части, речь депутата зачастую представляла собой комплекс антитетических единств:

«Герцеништейн (прения по «Проекту сорока двух»): (1а) Вы говорите, что начала, на которых мы предполагаем отдавать земли, недостаточно обеспечивают крестьянина. (1б) Но сравните это с тем, что сейчас делается: крестьяне ведь платят теперь нередко 35–40 р. за десятину при погодной аренде. Или вы считаете нормальным, чтобы каждый год цены менялись?...

(2а) Собственные свои опыты вы подтверждаете примерами из сочинений бывшего министра Ермолова, которые будто бы показывают, как разорились крестьяне, когда получили землю. И что же вы привели в пример? Имение Воронцова-Дашикова. (2б) Да зачем же его было покупать за 3 ½ миллиона, когда, может быть, его можно было купить много дешевле? (Аплодисменты, браво)...

(3а) Вы говорите, что земля у нас распределена крайне неравномерно. Есть уезды, где буквально ничего не может быть прибавлено, и тогда необходимо переселение. (3б) Должен вам сказать, мы никогда не имели в виду создать принудительно переселение, насильственно переселять из одной губернии в другую...

(4а) Вы говорите, что, когда крестьяне перейдут на новые места, создастся целый ряд невероятных затруднений: население не любит пришлого элемента, оно будет крайне отрицательно к нему относиться. (4б) А что же вы делали до сих пор при содействии Крестьянского банка? Разве вы не принимали целый ряд мер к переселению крестьян и не переводили их из губернии в губернию?...

(5б) Мы считаемся с исторически сложившимися формами владения, (5а) а вы говорите

нам: или частная собственность, или земля дар Божий. (5б) Разве у нас нет десятков форм владения и без той, которую мы теперь предлагаем?

(6а) Вы даже иронизируете: Россия пример покажет, пример всему миру. (6б) У нас уже показали такой пример, нас втянули в позорную войну, какой никогда народ не вел (аплодисменты)» [4, с. 158–162].

В данном случае 6 идущих подряд антитетических единств связаны друг с другом логикой опровержения мнения предыдущего оратора и представляют собой диспозиционное ядро основной части выступления. Примеров такого конструирования речи особенно много в стенограммах заседаний I и II Государственной думы, в парламентах последующих созывов этот прием также встречается. Думается, что с точки зрения риторики спора есть большая разница в единичном, точечном использовании антитетических единств в процессе дискуссии и в построении всего выступления на их основе. В классической диспозиции описывается много различных способов предъявления аргументов: по нарастанию их силы, по убыванию, концентрический метод и т. д. Почему же российским парламентариям так понравился именно этот прием диспозиции материала?

С точки зрения стилистики эти речи основаны на стилистическом контрасте, который представляет собой «принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения, который заключается в резком противопоставлении различных элементов текста с целью создания определенного стилистического эффекта» [11, с. 320]. С точки зрения структуры повторяемость конструктивно схожих высказываний привела к функционированию в парламентской речи начала XX в. бинарной модели выступления с четким делением на тематический и рематический компоненты.

В приведенном выше примере буквой *а* обозначен тематический компонент, буквой *б* – рематический. Тематический компонент – это процитированное или переформулированное высказывание предыдущего оратора, рематический – возражение, контраргумент выступающего. Бинарная тема-рематическая модель, которую можно условно обозначить «вы утверждаете – мы возражаем», привлекала думских ораторов, во-первых, своей простотой и удобством при создании спонтанного высказывания, во-вторых, ост-

ротой, которую речь, построенная по этому принципу, неизменно вносила в дискуссию.

Однако эти столь характерные для русского парламентского спора антитетические единства обладают лишь кажущейся простотой. Детальный анализ показывает, что депутаты использовали в своей речи большое количество структурно-смысловых вариантов бинарной модели. Так, например, обращает на себя внимание распространение бинарных моделей, в которых рематический компонент «мы утверждаем», помимо несогласия или мнимого согласия с оратором, содержит риторический вопрос. «Афанасьев: Вот, господа, вы упоминаете, что священна собственность, неприкосновенна. Кирносов напомнил вам об этом. Господа, и я скажу, что священна собственность, неприкосновенна, да, неприкосновенна, а кто же ее святил?» [3, с. 1972].

Функции риторического вопроса в русской парламентской речи ранее были проанализированы [5, с. 86]. В думской дискуссии трудно встретить более или менее развернутое высказывание, в котором риторических вопросов не было бы вообще. Сто лет назад риторическое «вопросание» в публичной политической речи было «сверхфигурой», неотъемлемой частью не только выступления, но и мышления публичного политика. В составе антитетического единства риторический вопрос использовался как средство резкой экспрессии, а иногда даже и речевой агрессии. Риторический вопрос чаще всего обличал политических противников, выражал крайнюю степень возмущения их словами и поступками.

Зачастую антитетические конструкции с риторическим вопросом в рематической части содержали манипулятивные приемы. Приведенная выше в качестве примера часть бинарной модели в выступлении Афанасьева продолжается следующим антитетическим единством: «А если я вам, господа, скажу, где вы ее [землю] взяли, то дело получит другой оборот... Вы скажете, наши предки заслужили. Господа, да что же вы делаете, надеваете нам очки, без которых мы и так видим? Почему же вы нашу собственность отобрали?» [3, с. 1972]. В этом случае оратор возражает не реальному мнению, которое было высказано конкретным депутатом, а подмененному тезису, положению, которое сам же оратор приписал оппоненту, что проявляется использованием будущего времени «скажете». При этом риторический вопрос, естественно, не сопровож-

дается условной модальностью. Депутат разбивает виртуальные мнения виртуального противника при помощи пафоса негодования и обличения.

Манипулятивный потенциал бинарной модели очевиден: ее тематическая часть представляет собой скорее переформулирование высказанного мнения оппонента, чем его цитирование. Очевидно, это переформулирование сопровождалось обобщением сказанного, упрощением, интерпретацией. Яркий пример – зачин речи Герценштейна. Этот зачин представлял собой тематическую часть крупной бинарной модели: *«С величайшим вниманием я выслушал, господа, обстоятельную программу, с которой нас познакомили здесь главноуправляющий землеустройством и земледелием и товарищ министра внутренних дел. В сущности говоря, один повторил то, что сказал другой. Это была та же программа, но в несколько более расплывчатых, общих выражениях. Записка, поданная сорока двумя депутатами Думы, кажется совершенно неосуществимой. Основные положения оспариваются самым решительным образом. Прежде всего, частная собственность есть краеугольный камень всей нашей истории. Вся наша история шла по пути развития и укрепления частной собственности. И вот теперь мы предлагаем изменить ход истории, создать вместо этого института другой, новый институт. Это противоречит основным началам юриспруденции. Так нам сейчас заявили...»* [4, с. 156]. А вот как оценивал интерпретацию Герценштейном своих слов товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко: *«Засим вышел мне возражать кто-то из кадетской партии, если память мне не изменяет, Герценштейн, и хотя возражения его были в высшей степени слабы, но так как основаны они были на умышленном извращении сказанного мною, то я тотчас же записался отвечать»* [6, с. 560]. Заявление одного из оппонентов об искажении, подмене его тезиса, безусловно, является одним из индикаторов непродуктивности, манипулятивности думского спора.

Еще одна важная для дискуссии черта бинарной модели – возможность прямого обращения к оппоненту. Интересно, что парламентский опыт ряда стран во многих случаях (если это в процессе прений не оговаривается специально) запрещает парламентариям во время выступления обращаться непосредственно к своим оппонентам, присутствующим в зале заседаний. Это правило играет очень важную роль, например, в британ-

ском парламенте. Там адресатом высказывания может быть лишь председательствующий. Логика организаторов дискуссии понятна: любое прямое обращение противоборствующих сторон друг к другу грозит повышением уровня речевой агрессии и приводит к снижению институциональности спора. В отечественной же думской дискуссии начала XX в. никаких четких ограничений на обращения не накладывалось, в результате чего участники прений вместо поиска рациональных доводов в защиту своей точки зрения предъявляли друг другу взаимные обвинения. Особенно ярко это проявлялось при использовании бинарной модели вместе с развернутой метафорой: *«Киселев: Нет, господа пастыри, довольно! Триста лет вы считали нас за стадо, пасли нас, и мы отлично помним ваш бич. Мы никогда не забудем его, мы знаем, что вы не только умеете пастить и стричь, но и шкуру спускать умеете»* [3, с. 1946]. В этом случае тематический компонент «вы» бинарной модели представляет собой развернутое метафорическое переосмысление содержания высказывания оппонента, противопоставленное рематическому компоненту «мы». Стоит ли говорить, что метафора как способ осмысления позиции противника не способствует достижению политического компромисса, хотя и делает речь более яркой, живой и увлекательной. Выступление, построенное на основе антитетических единств с деконструкцией или развертыванием метафор, воспринимается как агрессивное, а наличие непосредственных обращений делает агрессию не отвлеченной, а адресной.

Таким образом, бинарная модель – один из способов построения устного публичного выступления в прениях в российском дореволюционном парламенте. Основу бинарной модели составляют повторяющиеся антитетические единства с четко выделяемым тематическим (слова, идеи, поступки оппонента, о которых уже шла речь в дискуссии) и рематическим (слова, идеи, поступки социальной или политической группы, с которой идентифицирует себя оратор) компонентами. Повторимся, что это далеко не единственный способ структурирования высказывания. Так, например, думские ораторы в своей речи могли отталкиваться от одного ключевого тезиса оппонента и приводить аргументы, доказывающие его несостоятельность. Причем способы предъявления аргументов были разнообразными: нисходящий, восходящий, концентрический.

Встречаются даже выступления дворян и священников, построенные по принципу хрии.

Однако бинарная модель по ряду признаков противопоставлена всем остальным способам построения речи. Во-первых, бинарная модель ориентирована больше на спонтанную публичную речь, ее использование не требует детального осмысления оратором структуры своего выступления. Во-вторых, она обладает большим эмоциональным и даже манипулятивным потенциалом. Стенограммы заседания Думы фиксируют активное использование повторяющихся антитетических единств на пике прений. В-третьих, использование бинарной модели, по видимому, оценивалось самими депутатами по-разному. Были активные ораторы-парламентарии (в первую очередь дворяне, представители правых фракций), которые ни разу не использовали данный способ организации текста. Частотность модели отмечается в речах депутатов-юристов, которые, как правило, имели опыт публичной защитительной речи, и депутатов-крестьян. Последние видели в бинарной модели самый простой способ построения своего выступления. Все это косвенно может свидетельствовать о том, что за бинарной моделью закрепился ореол проявления своеобразной «новой риторики», которая в противовес традиционным риторическим построениям доступна каждому, откровенна, экспрессивна, не требует особой подготовки.

Однозначно оценить бинарную модель с точки зрения эффективности парламентской дискуссии очень сложно. С одной стороны, эмоциональность и экспрессивность выступления – одно из средств убеждения в парламентской речи, а применительно к речи в российских парламентах, скорее всего, главное средство. С другой стороны, бинарная модель зачастую приводила оратора не столько к повышенной эмоциональности, сколько к эксцентричности, настоящему взрыву пафоса и к агрессивному речевому поведению, что никак не соотносится с конвенциональностью парламентской речи. Как следствие – неумение многих парламентариев находить компромисс как с исполнительной властью, так и друг с другом.

Думается, главная причина распространения в думской дискуссии бинарной модели заключается в своеобразной бинарности мышления отечественных парламентариев, в четком делении мнений на свое и неправильное, в желании видеть только крайности. Популярность данного приема – это своеобразная болезнь роста парламента, характерная для многих законодательных и законосовещательных органов, которые не имеют многовековых традиций. Ключ к решению этой проблемы – в сознательном отношении парламента к своей речевой деятельности, в выработке писаных и неписаных норм речевого поведения участников парламентской дискуссии.

Библиографический список

1. Аристотель. Риторика [Текст] // Аристотель. Риторика. Поэтика. – М., 2000.
2. Герцен, А. И. Былое и думы. Части 4–5 [Текст] / А. И. Герцен. – М., 1958.
3. Государственная дума. Созыв второй. Стенографические отчеты [Текст]. – СПб., 1907.
4. Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты [Текст] / под ред. В. Д. Карповича. – М.: Фонд «Правовая культура», 1995. – Т. 1.
5. Громыко, С. А. Зачем политику риторический вопрос? Особенности парламентской дискуссии начала XX века [Текст] / С. А. Громыко // Русская речь. – 2010. – № 4. – С. 76–80.
6. Гурко, В. И. Черты и силуэты прошлого [Текст] / В. И. Гурко. – М., 2000.
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя. Нечто о вранье [Текст] / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 15 т. Т. 12. – Л., 1994.
8. Лаврухина, С. Н. Синтаксис русской судебной речи конца XIX – начала XX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Н. Лаврухина. – Орел, 2001.
9. Поварнин, С. И. Спор. О теории и практике спора [Текст] / С. И. Поварнин. – СПб., 1996.
10. Соловьева, Т. А. Лексико-грамматические и стилистические особенности судебной речи второй половины XIX века [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т. А. Соловьева. – Орел, 2000.
11. Щербаков, А. В. Стилистический контраст // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка [Текст] / А. В. Щербаков ; под ред. А. П. Сковородникова. – М., 2005. – С. 320–322.